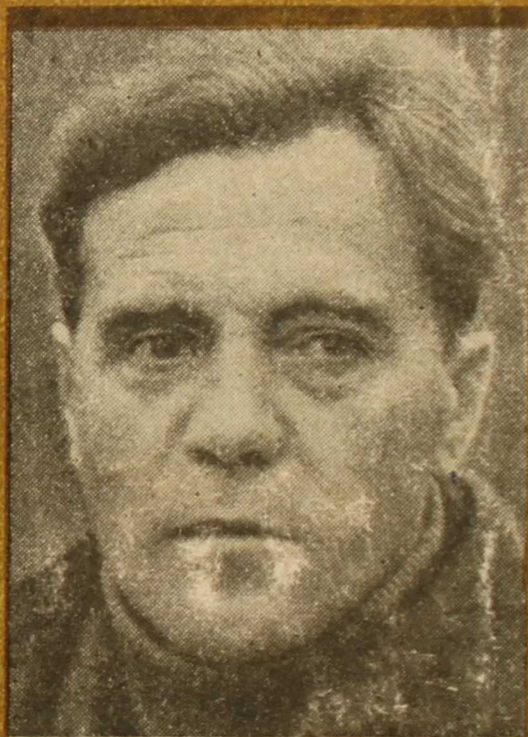

8р2 (092)
122

ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

А. Ланщиков

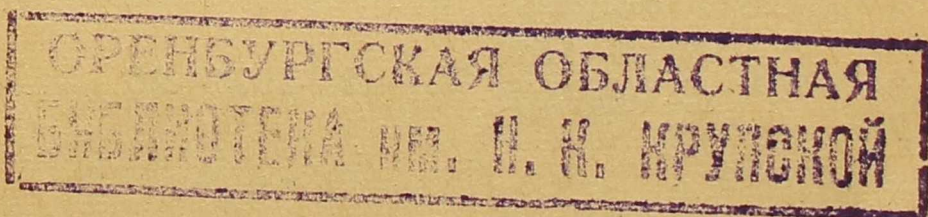
ВИКТОР
АСТАФЬЕВ

812(082)
122

А. Ланщиков

ВИКТОР
АСТАФЬЕВ

Право на искренность

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА—1975

ГЛАВНЫЕ ВЕХИ

О чем писать, на то не наша воля.

Николай Рубцов

Далекий порт Игарка. Далекое начало неуютных, голодных тридцатых годов. Трое ребят весьма подозрительного облика, озираясь по сторонам, пробираются по заснеженному двору, чтобы потом забраться на крышу сарая, открыть окно и под покровом густой северной темени проникнуть в помещение. Все продумано, все учтено: еще днем предусмотрительно «с той стороны» отперто окно, приготовлены необходимые сподручные средства...

Но вот страхи и опасения позади. Ребята благополучно возвращаются в свою ночлежку, стараясь ничем не выдать еще не угасшего волнения, — ведь только что они совершили кражу. Наконец-то они у себя дома, если только так можно назвать это случайное прибежище беспризорных мальчишек, объединенных общей горестной судьбой. Усевшись вкруг, они предвкушают сладостные минуты: сейчас они станут читать и будут читать долго-долго... Сегодня они забрались в... местную библиотеку.

Ребята не видят, как со всех сторон столпились чуткие к каждому их движению плотные ночные тени, не слышат, как пробудились тревожные ночные шорохи, они теперь заворуженно смотрят на проворно шевелящиеся губы своего товарища, с которых слетают слова, мгновенно сгорающие в маленьком пламени самодельной коптилки. Теперь уже и слов нет, а губы, глотая бледный свет, все шевелятся и шевелятся... Те-

перь словно льется какая-то волшебная музыка, погружающая ребят в мир, полный красоты, таинственности и опасностей. И мир этот, чужой и далекий, все разрастается и разрастается, незаметно становясь твоим собственным. И ты уже там... То ты скачешь на взмыленном чудо-коне под свист пуль неугомимых преследователей, то пробираешься тайной тропой, выслеживая опасного зверя, то хитроумно освобождаешь красавицу узницу...

А поутру следы, протоптанные от сарая, с крыши которого так несложно было проникнуть в помещение библиотеки, до ночлежки, привели сюда участкового. Враз обрываются разгоряченные необузданной фантазией сны, и вот тебя уже окружают казенные стены детского дома. Здесь совсем другой мир, во всем тебе незнакомый, но не таинственный...

Пройдет много-много лет, и бывший беспризорник, бывший детдомовец, бывший фэзэошник, бывший солдат Виктор Астафьев станет теперь укладывать уже «свои» слова на белые листы бумаги, чтобы поведать не только приятелям, но и тысячам незнакомых людей о пережитом и перечувствованном им за короткую пока, однако богатую всякими событиями жизнь.

Трудно укладываются на бумагу слова, еще труднее выбрать из всех накопленных впечатлений самые важные, самые сокровенные. Ты прошел войну, сотни раз видел чужую смерть, не единожды она заглядывала и в твои глаза. Порой казалось — всё: меркнет навсегда мир... Но судьба миловала, и ты после очередного ранения или очередной контузии снова шел испытывать судьбу. Да и сегодняшняя жизнь плотно окружила тебя со всех сторон, дарит сюжеты, подсказывает замыслы, знакомит с интересными людьми... И пишутся очерки, рассказы, их печатают в местных изданиях. Чувствуешь необходимую отдачу, но полного удовлетворения нет...

Теперь творчество Виктора Петровича Астафьева хорошо известно широкому читателю: его повести «Стародуб», «Перевал», «Кража», «Пастух и пастушка», книга «Последний поклон», в которую вошли публиковавшиеся в разные годы рассказы о детстве и повесть «Где-то гремит война», рассказы «Два солдата», «Ясным ли днем» и другие стали настоящим литературным событием последнего десятилетия и прочно вошли в круг чтения нашего современника. Заметно влияние астафьевской прозы и на более молодых писателей. Тут можно назвать многие, хорошо известные имена — Василий Белов, Виктор Лихоносов, Валентин Распутин, Виктор Потанин и другие, а также и те имена, которые пока еще мало что говорят массовому читателю.

Печататься Виктор Астафьев начал давно: двадцать с лишним лет назад в газете «Чусовой рабочий» был опубликован его первый рассказ «Гражданский человек» (окончательный вариант печатался под названием «Сибиряк»), но известность и признание пришли к нему не сразу. С 1951 года Астафьев становится не только автором, но и литературным сотрудником газеты «Чусовой рабочий», печатает на ее страницах многочисленные корреспонденции, очерки, рассказы. В эти же годы он начинает печататься в пермских газетах «Звезда» и «Молодая гвардия», в Перми же вышла его первая книга «До будущей весны» (1953 г.) и книги для детей: «Огоньки» (1955 г.), «Васюткино озеро» (1956 г.), «Дядя Кузя, куры, лиса и кот» (1957 г.), а в 1958 году был опубликован роман «Тают снега».

Переломным в творческой судьбе писателя можно считать 1959 год, когда в альманахе «Прикамье» (кн. 27) была напечатана повесть «Стародуб», а в журнале «Урал» (№ 5) повесть «Перевал», привлекая внимание критики. Осенью того же года Астафьев поступит на Высшие литературные курсы в Москве. С этого времени

его произведения широко печатаются в центральных журналах и издательствах, переводятся на языки народов СССР и иностранные языки, однако критика, хотя и отдавала должное таланту молодого сибирского писателя, как-то не торопилась определить место и значение его творчества в текущем литературном процессе.

Впрочем, в равной мере подобное отношение испытали на себе многие талантливые писатели той же генерации: Виктор Курочкин и Василь Быков, Евгений Носов и Сергей Никитин, Константин Воробьев, Борис Можаяев и другие. Поначалу это поколение не замечалось, и даже создавалось впечатление, что приход в литературу следующего (тогда его называли «четвертым») сделает невозможным его самоценный вклад в наш общелитературный фонд. Однако это «пропущенное» поколение существовало, оно жило своей самостоятельной (но не изолированной) духовной жизнью, пусть до поры до времени не замечаемой, но глубокой по своим гражданским целям и нравственным задачам.

Лет десять-двенадцать назад, когда в широкий оборот была пущена периодизация цифрового обозначения поколений, по существу дела, сверстникам Астафьева в этой периодизации своего места не нашлось, так как все воевавшие как бы были причислены к одной группе — фронтовиков, независимо от того, легла ли война всей своей тяжестью на плечи вчерашнего юноши, не успевшего еще выбрать в жизни свой путь, или под ее тяжесть подставил плечи человек с определенным жизненным опытом.

Разумеется, деление на поколения, как, впрочем, и всякая другая периодизация в литературе, — вещь безусловная, однако если в основу ее положен безусловно важный признак, то эффективность такой периодизации будет очевидной при любых отклонениях

ее частностей. Думается, влияние Великой Отечественной войны на судьбу той или другой генерации как раз и есть тот признак, который позволяет нам иметь вполне обоснованную периодизацию поколений и всего литературного процесса последних десятилетий. Так или иначе, но при общей военной судьбе все-таки существовала заметная разница между теми, кто встретил войну пусть и молодыми, но имеющими уже самостоятельный жизненный опыт людьми, и теми, кого война приняла в свое кровавое лоно прямо со школьной скамьи и из родительского дома, чьи возвышенные юношеские представления о жизни не в полной мере соответствовали даже обыденной мирной действительности.

Встретившись с тяжелым бытом войны, вчерашние юноши не уступили своих нравственных идеалов, пронося через все испытания веру в высокое предназначение человека. Нет, на войне не просто сохранить моральную чистоту, когда мерой всему становится человеческая жизнь: за трусость человек расплачивается своей или чужой жизнью, за ошибку человек расплачивается опять же своей или чужой жизнью — любой неосторожный шаг чреват гибелью товарищей.

Казалось бы, личный боевой опыт давал Астафьеву право (будущий писатель осенью сорок второго года восемнадцатилетним юношей ушел добровольцем на фронт, участвовал в освобождении Курска, Украины, Польши, был контужен, получил тяжелое ранение) писать о войне, но боязнь сказать ненужное или неумелое слово отодвигала все дальше и дальше главный разговор, ради которого Астафьев и стал писателем. Он долго и плодотворно исследовал характер своего современника, начинал с его истоков и даже предыстков, — так появилась в свое время повесть «Стародуб», в которой по-новому раскрываются характер родного сурового края и характеры его людей. Рассказы о дет-

стве составят потом единую и целостную книгу «Последний поклон» — заветную книгу автора.

В особо трудных условиях будет происходить нравственное и гражданское становление героя повести «Кража» детдомовца Толи Мазова, не только развившего в себе, но и пробудившего в своих товарищах те здоровые начала, что были заложены в каждом из них, но под напором недобрых жизненных случайностей слишком глубоко запрятались.

И тут Виктор Астафьев писал не одного героя, он писал героев разных, но с единой нравственной основой, сложившей нравственное лицо поколения. Вероятно, потому он и надеется быть понятым, когда заключает книгу «Последний поклон» словами горестного покаяния:

«Я хотел запротестовать, оспорить бабушку и шевельнулся уж было, но она как-то мудро и необидно погладила меня по голове — и не стало надобности говорить пустые утешительные слова.

— Устала я, батюшко. Вся устала. Восемьдесят шестой годок... Работы сделала — иной артели впору. Тебя все ждала. А жданье крепит. Теперь уж пора. Ты уж, батюшко, приедь похоронить-то меня... закрой глазоньки...» *

По разным причинам, уважительным и не совсем уважительным, извинительным и не совсем извинительным, мы иногда забываем исполнить последнюю волю именно тех, перед кем в самом большом долгу. Потом находят самые резонные оправдания, но утешения они почему-то не приносят. Так или иначе, но и тут просьба самого близкого и дорогого человека осталась неуваженной. И вот теперь запоздало льются такие слова: «И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет.

И некому прощать...

Бабушка, бабушка! Виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям. Непосильная это работа. Нет у меня таких слов, которые передали бы всю мою любовь к тебе!

Согревает меня лишь одна надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыщут тебя и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта».

Астафьевские рассказы о детстве выходят за рамки личных воспоминаний, и значение их не только, а возможно, не столько в самом материале, сколько в их эмоционально-нравственном заряде, способном разбудить в читателе самые светлые чувства, порой вольно или невольно загоняемые нами на задворки собственной духовной жизни, или возбудить мысль, до сих пор почему-то остававшуюся на периферии собственных раздумий. В подтверждение сказанному приведу одно из читательских писем.

«Читая последнюю страницу «Поклона», — признается Астафьеву его корреспондентка, — хотела выть от непростимой вины. Непростимой потому, что и прощать мою вину некому. Вечным сном спит отец мой, спит 23 года. И 23 года сердце точит вина. Гнетущая, тихая, вечная, — говоря Вашими словами. И я, как Вы, не приехала проститься, хотя чувствовала сердцем и день и час, когда он умирал. Не приехала, все телеграмму ждала и не получила ее. А сейчас хоть на край света поезжай, вина останется. Не смахнешь ее, не скинешь».

Мы иногда бываем не прочь и польстить читателю. Ударяясь в своего рода псевдомократизм, готовы любое читательское мнение считать окончательным и неоспоримым приговором как писателю, так и его произведению. Иногда же впадаем в другую крайность: высокомерно игнорируем читательское мнение и полагаем,

будто верное суждение о достоинствах и недостатках художественного произведения может высказать лишь тот, кто литературой занимается профессионально.

Разумеется, профессиональная подготовка не мешает, а помогает понимать истинное значение художественных произведений, однако она не может заменить того нравственного чутья, которым в равной мере может быть наделен и человек, такой подготовки не имеющий. Между писателем и читателем устанавливается в первую очередь нравственный контакт или он не устанавливается, в зависимости от чего и находится активность духовного взаимообмена обеих заинтересованных сторон.

Книгой «Последний поклон» Виктор Астафьев завершил какой-то очень нужный ему на данном этапе разговор о детстве и о тех людях, что согрели это детство теплом своего сердца и лаской своих трудовых рук, заронив в душу его семя живительных исканий. Вполне возможно, писатель еще неоднократно обратится к своей заветной теме, обратится к истокам собственной жизни, но то обращение будет вызвано уже другими причинами и другими побуждениями.

Виктор Астафьев родился в 1924 году в селе Овсянка Красноярского края, семи лет лишился матери (Лидия Ильинична — мать будущего писателя — утонула в 1931 году в Енисее). И только заботами бабушки Екатерины Петровны было скрашено сиротское детство.

Но как ни тяжело было детство, главные трудности лежали впереди. Впереди будущего писателя ожидали и беспризорность с ее голодной и опасной вольницей, и детский дом, отпугивающий своим казенным укладом, и интернат, и железнодорожная школа ФЗО в Базаихе, и, наконец, фронт. Далеко не всем сверстникам Астафьева довелось вернуться к мирной жизни — слишком многих не пощадила война. И писатель как бы чувствует вину перед теми, кто недоучился, недолюбил,

короче сказать, кто не дожил, и согревают его надежды о вечности их жизни в памяти людей. В одной из новелл он скажет: «Когда мне становится невыносимо больно от воспоминаний, которые не покидают, да и никогда, верно, не покинут тех, кто прошел войну, когда снова и снова передо мной встают те, кто пал на поле боя, порой не успев еще и жизни-то как следует увидеть, ни полюбить, ни насладиться радостями мирскими и даже досыта поест, я думаю о елочке, которая растет в лесу, на пне».

«В емких строках умной притчи «И прахом своим...», — писал критик А. Макаров, — личность автора, с его жизненным опытом, с его выношенными убеждениями, мудрой, грустной и гордой любовью к родной земле и ее людям, личность художника выразилась полно и цельно».

Правда, о полноте выражения личности художника можно говорить лишь условно, так как [каждое новое произведение раскрывает что-то новое и в личности самого художника, фиксирует этапы его творческого пути. Если во многих прежних произведениях Астафьева война в судьбе героев предполагалась как более или менее близкое событие, то в повести «Пастух и пастушка» («Наш современник», № 8, 1971) главный ее герой лейтенант Борис Костяев находится в самой гуще этого события, когда война, перевалив свою срединную часть, стала суровым бытом народа, отлившего свое философское осмысление переломного периода войны в лаконичное выражение — «не тот немец стал», взяв в фокус своей оценки духовные резервы человека.

Лучшие наши писатели, пишущие о Великой Отечественной войне, все чаще и чаще делают попытки раскрыть правду времени военных лет через правду характеров, однако, несмотря на отдельные удачи, минувшая война (войну мы здесь понимаем как целую эпоху в судьбе народов, а не только как военные действия) пока тер-

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНЫЕ ВЕХИ	3
ИСТОКИ	18
«МОСКОВСКИЙ» ПЕРИОД	39
ВЕРНОСТЬ	65

Анатолий Петрович Ланщикова

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Право на искренность

Редактор
В. М. КУРГАНОВА
Художественный редактор
Э. А. РОЗЕН
Технический редактор
Л. Б. ЧУЕВА
Корректор
Н. Д. БУЧАРОВА

Сдано в набор 4/VII 1974 г. Под-
писано к печати 14/I 1975 г. Фор-
мат бум. 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 2.
Физ. п. л. 3,0. Усл. п. л. 3,51, Уч.-
изд. л. 4,36. Изд. инд. ЛХ-747. А09217.
Тираж 20000 экз. Заказ 512.
Цена 18 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКАЯ РОССИЯ“.
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Управления по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли Совета Министров КАССР. Сортавала,
Карельская, 42.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48